

вую бесстрастную и объективную трехтомную историю родного края – «Самарскую летопись», которая вскоре переиздается в Москве...

Как-то довелось услышать: «Кабытов слишком любит эсеров». Да, наверное, в этом есть доля истины. Он с симпатией относится к партии, которая отстаивала интересы крестьянства и до конца была верна русскому мужику. Но П.С. Кабытов с огромным уважением пишет о П.А. Столыпине, реформы которого тоже были направлены на поддержку русского земледельца. И это трагическое переплетение судеб, идей, поступков людей, желавших, каждый по-своему, блага для народа, неизменно привлекало и привлекает внимание Петра Серафимовича Кабытова – ученого и общественного деятеля. Человека, понимающего всю трагичность нашей истории и убежденного, что в Самаре должен быть памятник жертвам «Чапанной войны».

П.С. Кабытов*

На Среднем Западе. Путевые записки

Мистический зачин

В феврале 2000 года мне опять представилась возможность поехать в США. На сей раз речь шла о работе по гранту «По социальной работе». Инициатором выступал Игорь Александрович Носков, тогда он был ректором СИПКРО и установил прочные связи с Южно-Иллинойским университетом. Предполагались обмен студентами и преподавателями, проведение совместных конференций и создание учебных пособий. В нашу делегацию входили Элеонора Александровна Куруленко, Игорь Александрович Носков и две сотрудницы СИПКРО. Одна из них, Наташа, окончила СамГУ, прекрасно знала английский и была нашим переводчиком. Именно с Наташей связана первая из мистических историй, которые буквально сопровождали нас всю эту поездку. По пути в аэропорт мы должны были «захватить» девушек, и вот эту самую Наташу мы просто не могли найти в условленном месте. Кружили по кольцу Мехзавода, останавливались, но ее не было. Оказалось, что она спокойно стояла возле церкви и ждала нас там. Поскольку самолет прилетел в Москву ночью, мы поселились в гостинице аэропорта Шереметьево. Все бы ничего, но начальник отдела международных отношений СамГУ Алексей Владимирович Нечаев придумал вручить копию флага Самары мэру Сент-Луиса или представителям городского сообщества. Утром я должен был встретить этот флаг, но, кто его привезет, не знал. И вот

---

* © Кабытов П.С., 2011

ранним утром я стоял в зале аэропорта и встречал рейс из Самары. По лицу, конечно, трудно было угадать, кто же привез с собой наш флаг, поэтому я просто положился на случай. И это было правильно: последний пассажир оказался тем самым загадочным незнакомцем. У него был сверток с флагом, и эта почти шпионская история закончилась благополучно.

Париж — всегда Париж!

Наконец, все члены делегации встретились, сели в самолет, и мы вылетели в Париж. Да, сначала нас ждала встреча с этим прекрасным городом. Огромный аэропорт Шарль де Голль. Чтобы попасть в терминал, нужно сесть на автобус «Шаттл», причем все делать очень быстро — на пересадку у нас оставалось всего сорок минут. И пока мы искали нужный терминал и напряженно всматривались в телевизионные таблоиды, вот счастье, мы узнали, что наш самолет улетает от терминала № 3. Преодолев все препятствия, спешим сесть на автобус и вот наконец подъезжаем к терминалу. Все-таки попав буквально чудом на регистрацию, мы узнали, что наш самолет уже улетает. И второго чуда сегодня не произошло — он улетел, а мы остались. Служащие заметили нашу растерянность, смятение и быстро разрешили проблему. Им, на наше счастье, абсолютно невыгодно держать таких вот потерянных пассажиров у себя, поэтому через переводчика Жан-Поля, быстро уловив суть, отправили нас другим рейсом в Вашингтон. И хотя мы опоздали по своей вине, никаких санкций, штрафов, даже упреков не было! Итак, счастливые, мы сели в самолет, наши дамы благоухали совсем по-парижски и были прямо на седьмом небе!

Видимо, эта наша поездка была запланирована самой судьбой: в Вашингтоне всего-то за полтора часа мы пересели на самолет в Чикаго. Это была удача, да еще какая! Сидим в самолете, усталые, но довольные. Час сидим, второй. Самолет наш уже почистили антифризом, а мы все не взлетаем. Что такое? Выяснилось, что в день инаугурации в небе не должно быть ни одного самолета. Естественно, сегодня был день инаугурации президента Буша. Но вот взлетели...

Аэропорт О'Хара в Чикаго — нечто грандиозное. Единственное сравнение, которое просится, — пирамида Хеопса, причем не в пользу пирамиды. И что самое удивительное — мы там ни разу не потерялись, не запутались, мы просто ходили по следам. Сейчас подобная практика распространена в любом самарском молле, а тогда мы увидели впервые, как это работает: следы с надписями указывают дорогу в нужном направлении, так что наша делегация благополучно не заблудилась.

Университетская демократия

Прилетели мы поздно, а все рейсы в Сент-Луис – утренние. Пришлось поселиться в гостинице, причем половину стоимости оплатила компания. Утром мы выехали в аэропорт и вылетели в Сент-Луис. А там почти сутки нас ждал Иван Николов. Он возглавлял департамент международных отношений и поддерживал связи в университетах. Типичный болгарин с живыми черными глазами, очень благожелательный, он помог нам в эту поездку познакомиться с университетской жизнью США, узнать порядки и традиции. В Сент-Луисе он посадил нас в восьмиместный микроавтобус, кажется, американский «форд», и наша дорога, как выяснилось, продолжилась. Целью долгого пути был город Карбондель. Здесь живут всего 70 тысяч человек, причем 30 тысяч из них – студенты. Южно-Иллинойский университет – достаточно старый вуз с интересной историей. В парке колледжа я обратил внимание на несколько казарм и удивился. Как оказалось, казармы в 1945 году выделила армия США: университет испытывал недостаток в помещениях и эти казармы решали проблему. В них до сих пор ведется учебный процесс, выглядят они очень презентабельно и не вызывают неприятных ассоциаций.

Нас поселили в местном общежитии. Его владельцы – очень интересная супружеская пара: он – типичный ирландец с выдающимся подбородком, она – уроженка Парагвая. Его явно тяготила излишняя опека жены, поэтому мы не раз ловили его заинтересованный взгляд на молодых студентках. Джефф был владельцем общежития, но при этом был еще и почти воспитателем студентов. Он возил их на каток, устраивал спортивные соревнования, всегда интересовался здоровьем, учебой. Вообще был очень отзывчивым и внимательным человеком.

Встреча с президентом университета прошла довольно официально, но, памятуя наше сидение в аэропорту «по вине» президента Буша, мы поинтересовались, каково его влияние, изменятся ли отношения с Россией? Игорь Александрович тогда активно занимался политическими проблемами, и мнение простых американцев было ему особенно интересно. Наши американские коллеги симпатизировали демократической партии, но, тем не менее, поддерживали политику Буша и одобряли ее.

Мы узнали, что у президента университета множество обязанностей, но самая главная – продвигать университет в обществе. Это действительно очень важно, ведь успешная работа университета напрямую зависит от тех связей, которые он устанавливает с различными общественными институтами. Сам же университет может не только исследовать проблемы общества, но и помогает их решать. У президента тесные связи с правительством, Конгрессом США, и среди сенаторов существует так называемое университетское лобби. Если говорить конкретнее, президент разрабатывает стратегию университета, а ректор, в свою

очередь, реализует эти программы по развитию вуза. Кроме того, в университете существует студенческое правительство, причем его позиции достаточно сильны. Так, например, нам рассказали, что в Южно-Иллинойском университете одно время читал лекции Михаил Горбачев, но уехал в Японию, не вычитав весь курс. А когда благополучно вернулся, именно студенческое правительство отказалось от его лекций. Еще один пример университетской демократии: стать профессором университета, приехав из другого вуза, здесь сложно, необходимо пройти своеобразные испытания. Мне даже кажется, что это напоминает инициацию: профессора «оценивают» все — департамент образования, ректор, кафедра и даже студенты. Им он должен провести пробную лекцию, при этом его оценивают и как профессионала, и как человека — его коммуникативность, умение находить общий язык, приветливость и т. д.

Знакомство с университетской жизнью, учебным процессом началось с факультета журналистики. Нам показали университетскую газету — черно-белую, отпечатанную на старенькой типографской машине где-то восьмидесятих годов. Меня восхитило, что ее можно найти в любом магазине, на любой заправочной станции городка. Причем из 24 полос новости занимают приблизительно треть объема, остальные полосы отданы под рекламу. Благодаря этому газета приносит неплохой доход, где-то миллион долларов в год. Выпускают ее, в основном, студенты-журналисты, но попробовать свои силы могут все желающие — вдруг получится! Рекламу тоже собирают и оформляют студенты. Поэтому собственно штат редакции небольшой — менеджер и 2-3 человека. На факультете журналистики имеется свой телеканал и радиостанция. Кстати, по американским образовательным стандартам бакалавр должен уметь моментально «вписываться» в работу любого СМИ. Такая практика позволяет студентам уже со второго курса начинать работать.

Сенатор Пол

Вообще факультет журналистики в Южно-Иллинойском университете почти всеми своими успехами и новациями обязан сенатору Полу Саймону. Там даже действует институт Пола Саймона. Когда-то он был известным журналистом, правда, образование он так и не завершил. Зато уже в 1950-х годах был в составе американской делегации во время визита Ричарда Никсона в Москву. Когда мы познакомились, я почему-то сразу подумал, что Пол выглядит как настоящий сенатор — каким я его представлял. Необычные очки в роговой оправе, галстук-бабочка и мощная энергетика — все это располагало к нему, он сразу нравился и вызывал доверие. Однако это не помогло ему в 1999 году пройти в кандидаты в президенты США. При этом Пол Саймон хорошо знает семью Бушей — и сына, и отца, симпатизирует им и, кажется, не

очень расстроился из-за этой политической неудачи. Он интересно рассказал о своем визите в Москву, и я удивился, каким внимательным и точным может быть взгляд со стороны. Делегацию поселили в гостинице «Метрополь», и вот Пол обратил внимание, что на обедах, банкетах и приемах среди официантов всегда встречается один и тот же человек. Сначала молодой журналист пытался себя успокоить, что, мол, «китайцы все на одно лицо», ну и русские, соответственно, тоже. Но этого же человека Пол узнал и в Ленинграде, куда их повезли. Подозрения переросли в уверенность, когда тот же официант обслуживал делегацию и в Киеве. Так что Пол Саймон уже тогда столкнулся с тягостной заботой спецслужб.

Вторая наша встреча произошла в университетской столовой. Мы разговорились, и оказалось, что журналистика, ее история, учебники по мастерству не единственное увлечение Пола. В те годы он уже начал заниматься проблемой воды: стратегические запасы, разумное расходование, очистка и переработка волновали его всерьез. Человечество испытывает колоссальную проблему нехватки воды в засушливых районах Африки и Латинской Америки, ее повсеместного загрязнения. Он говорил так увлеченно, приводил такие убедительные аргументы, что я не мог для себя решить: Пол в первую очередь политик или журналист? Но его профессия наверняка помогла добиться политических успехов.

Импровизация

Были у нас и поездки по окрестностям. Во время одной из них мы познакомились с хозяевами виноградника и даже побывали у них в гостях. Нас угостили домашним вином. Но здесь я, пожалуй, по достоинству оценил и американскую технику, и американский прагматизм. Во дворе чистенькой фермы, где все продумано до мелочей, мы увидели старый трактор, по-моему, годов пятидесятих. Удивились, почему же не новый? Хозяин пожал плечами и ответил, что трактор работает, зачем же его менять? Мы сидели в просторном зале, дегустировали вино, болтали о том, о сем... Вошла пара — мужчина лет 35 и молодая женщина. Почему-то я начал с ними разговаривать на слэнге своей юности, так вот неожиданно вспомнились слова «лабух», «чувак», «чувиха». И представляете, они меня поняли, подхватили этот стиль. Мои попутчики потрясенно слушали наш разговор. Это оказались канадцы, но при этом настолько свои, из нашего джазового прошлого, из воспоминаний о той великой музыке, о моей юности — на душе вдруг стало тепло и радостно.

Образование без границ

И все-таки мы добрались до Сент-Луиса! На факультете социальной работы нас встретила декан — потрясающая женщина, она и удивила

нас, и восхитила: в США нет слова «инвалид», там говорят «ограниченные возможности». Так вот у этой женщины, которая передвигалась на коляске, эти возможности безграничны – она буквально летала. Очень милая, общительная, приветливая, она рассказала нам, какую роль играет университет и ее факультет в жизни города. Взять, к примеру, карту Сент-Луиса – на ней выделены предпочтительные районы проживания людей с ограниченными возможностями, при составлении которой учитывалась любая мелочь: пандусы, больницы, грузовые лифты, магазины и специализированные библиотеки. Я вспомнил, что лет тридцать назад в Советском Союзе пытались проводить подобные исследования, но такой продуманной заботы и развитой инфраструктуры тогда, конечно, не было. Нет, к сожалению, пока и сейчас...

В школе бизнеса и предпринимательства мы обратили внимание на сам процесс обучения, вернее, на то, как он поддерживается, казалось бы, сугубо внешними факторами. Так, мебель в аудитории расставлена так, что преподаватель находится в центре, среди студентов, а не перед ними: он не изрекает истины, а вместе со слушателями ищет их. К тому же это позволяет установить более тесную коммуникационную связь и обстановку доверия и сотрудничества. Нам рассказали, что аудитория обновляется каждые два года. А по партам в некоторых наших кабинетах до сих пор можно изучать историю, иногда и древнюю: помните стихотворение Маршака – «...чтобы ребята во веки веков знали, что в классе сидел Пустяков»?

Компьютерное оснащение тогда показалось нам просто фантастичным. У нас в 2000 году компьютер был у каждого, но вот «Макинтоши» и ЛЭП-топы тогда были редкостью, а здесь ассортимент был буквально мечтой любого российского профессионала. Но и человеческий фактор в Сент-Луисе был на высоте: преподаватели всегда улыбаются, и это не бездушная гримаса – keep smile, – а искреннее желание подарить хорошее настроение, пойти на контакт, помочь. Высочайший уровень культуры, подкрепленный душевной теплотой, – неотъемлемая черта университетского сообщества.

«Ты не в Чикаго, моя дорогая!»

А мы поехали в Чикаго. Этот город – моя давняя мечта. Промышленный центр, популярный в России в 1990-е годы, – «Тольятти – Чикаго на Волге!», «Петербург – Чикаго тридцатых годов!» – какие только города не пытались «примерить» на себя его славу. Но Чикаго неповторим. Да, бывало в его истории всякое, но только здесь есть озеро Мичиган – одно из Великих американских озер. Действительно, великое! Когда-то оно было в катастрофическом состоянии – угольная зола от промышленных производств смывалась в его воды, гибло все живое.

Сегодня мы увидели у самого берега стайки рыб в воде, чистой и прозрачной.

По пути был завтрак в кафе. Мы остановились заправить машину и решили познакомиться с местной кухней. Иван Николов сказал, что в это время всегда много народа — рано утром люди идут в церковь, а потом завтракают. В Америке такой поздний завтрак называется *brunch*. Все удовольствие нам обошлось всего-то в девять долларов — цены радовали своей демократичностью.

Зато в гостинице «Шератон», где нас разместили, номер-люкс (две большие комнаты) стоил триста долларов! Мы сразу поняли, почему этот район называется Золотая Миля, а я подумал, что в палатке, наверное, было бы не удобнее, но комфортнее для нервной системы и кошелка.

Первая экскурсия в самом Чикаго была на знаменитую биржу. В тот день она не работала, но знакомое по книгам и фильмам эмоциональное напряжение — в один день создаются и теряются состояния, решается судьба и меняется жизнь — витало в огромном зале. Воображение рисовало игроков — «на повышение» и «на понижение», — их выразительную жестикуляцию, мы вздрагивали от прорезающих громкий гул телефонных звонков, паническое волнение и самая настоящая паника — «паника на бирже!» — вот что знали эти стены и теперь передавали свое знание нам. Мне вспомнился бродяга, который по пути к бирже попросил у нас денег. По доброте душевной мы хотели угостить его завтраком, захваченным из кафе, но Иван сказал, что ему нужны только деньги. На обратном пути мы снова встретили его — он пил пиво по-американски, в пакете. Играл ли он когда-то на этой бирже? Или это уже фантазии типично русские, в стиле Достоевского?

Я очень люблю музеи: они сохраняют историю, не дают забыть прошлое и часто просто рассказывают нам, кто мы и откуда. Про Соединенные Штаты иногда говорят — «молодая страна». В том смысле, что европеизированный этап ее истории действительно невелик. Борьба за независимость — нам ее очень подробно осветили еще в Бостоне — не точка отсчета истории США. В музее штата Иллинойс, традиционном и богатом экспонатами, представлена история племен: и доколумбовой Америки, и современников Фенимора Купера. Здесь принято помнить, что эту землю нынешние американцы унаследовали от индейцев. Взаимоотношения их не всегда были безоблачными, но историческая память должна быть, без нее невозможно строить что-то новое — и сегодня американцы это понимают.

Ну и совершенным сюрпризом для нас стала выставка кремлевских сокровищ. К тому моменту она уже лет десять путешествовала по Америке. Мы не раз видели и знали эти сокровища, поэтому больше наблюдали за американскими посетителями. С каким любопытством, порой

недоверчивостью, восхищением и даже восторгом они познакомились с русской культурой, лучшими образцами нашего искусства, обычаями и традициями.

Американские фильмы – это всегда happy-end. Есть даже такой кинематографический штамп – «поцелуй в диафрагму»: заключительный кадр, перед титрами, венчается поцелуем главных героев, после чего камера выключается, т.е. закрывается диафрагмой. Такой фильм – «Не спящие в Сиэтле» вспомнился мне на смотровой площадке самой высокой гостиницы Чикаго. Романтическая история любви никогда не встречавшихся Тома Хэнкса и Мэг Райан могла счастливо завершиться только здесь, на 101-м этаже, над огромным городом среди облаков.

Спрингфилд – тоже из американского кино, только анимационного. Именно там живет нелепая, но неунывающая семейка Симпсонов. Хотя Спрингфилдов в Америке много, и не факт, что живут они в этом. Итак, наш Спрингфилд – столица штата Иллинойс, основан в 1840 году, население 114 900 человек, имеется международный аэропорт имени Авраама Линкольна, город оживает во время сессий сената или конгресса штата.

В доме-музее 16-го президента США нам рассказывал о его жизни бывший десантник. Удивительно? Но для США это нормально: не застенчивая музейная барышня, а бравый ветеран поведал нам подробности жизни великого человека. Волонтерское движение среди пенсионеров развито в Америке чрезвычайно. Такой поход и экономически выгоден, и социально полезен – пенсионеры включены в общественную жизнь, работают с людьми, общаются. А деньги они на обеспеченную жизнь уже заработали. Я подарил ему сувенир – лапти, чем озадачил и обрадовал: получать подарки всегда приятно, а экзотичная обувь из России станет для него, быть может, неожиданным открытием. Так вот, Линкольн женился на самой красивой женщине Иллинойса и запер ее дома. Работал адвокатом, но через люк в полу своей комнаты подслушивал и подглядывал за ходом судебных разбирательств, благо жил над залом заседаний суда. В этом доме ни одну доску никогда не красили, они сохранились неизменными со времен Линкольна. И мне вспомнилось, что в музее Пушкина есть вещи его соседей, той эпохи, восстановленные по эскизам, но так мало личных вещей гения, хранящих его тепло. Могила 16-го президента находится там же. Когда-то его убили за отмену рабства. А нынешний президент США Барак Обама был сенатором от штата Иллинойс – так причудливо тасует колода, говаривал Воланд...

В прошлую поездку мы хорошо узнали новое научное направление «история повседневности». В Сент-Луисе нам довелось увидеть как работает промышленная археология. Пивоваренный завод Budwaiser был построен еще судетскими немцами в XIX веке. В старинном здании из красного кирпича, с любовью сохраненное, расположилось современ-

ное производство. В большом торговом зале и за 50–70 долларов можно купить сувениры, костюмы, посмотреть фильм об истории завода, совершить поездку в прошлое. Да, в старой конюшне стоят битюги, мохнатые, крепкие, — они когда-то возили повозки с пивом. Жуют сено, как и сто лет назад, да и сено, наверное, такое же... Далматины — яркие, пятнистые, которые раньше сопровождали эти повозки, бегают тут же, ластятся к гостям, прыгают... Чудятся воркование голубей, перезвон колокольчиков, рубленные немецкие фразы... А запах сена — он-то наяву. Мы были в прошлом...

На новом заводе все автоматизировано: производством занимаются 2–3 человека, а 100 человек — менеджеры по продажам, и никакой романтики. Хотя... в программу экскурсии были включены три стакана пива, а к нему совершенно домашняя закуска — настоящие крендельки!

Никогда не замечали, что из зоопарка выходишь с чувством вины? Решетки, замки, пингвин на солнце или гепард на привязи — самые яркие, вопиющие впечатления. «Кормить воспрещается!» — а что еще можно сделать, чтобы в глазах животного вспыхнула искорка, хоть как-то оживить его? Тут нас встретил Чарлз Дарвин — как живой. Его робот приветствует посетителей и открывает двери в царство зверей. Музей-зоопарк — настоящий просветительский и научный центр. Не выходя из зала, можно побывать в любом уголке земного шара — в Африке, Альпах, океанских глубинах. Реальных животных тоже можно посмотреть, но на расстоянии. Не разглядывать их как в витрине, а наблюдать. Они, дикие и свободные, а мы достойны только наблюдать за ними, восхищаться издали. Я должен заметить, что пивоваренный завод Budwaiser шефствует над музеем и зоопарком.

Дикий-дикий...

Путешествие по Америке — не первое и не последнее — уводило нас все дальше от восточного побережья. Мы не покоряли, а узнавали Дикий Запад. Дикий-то дикий, но узнали мы их систему образования — к подобной мы только приближаемся — и многое поняли. Почему США — при всех кризисах, войнах и природных катаклизмах — все-таки остается, как говорится, «на плаву»? Диплом там не самоцель. Жизнь неоднократно делает зигзаги, повороты, даже акробатические этюды. Приходится постоянно приспосабливаться, получать, вернее, зарабатывать новые знания. С 1960-х годов в Америке приняты короткие обучающие программы. А вот дополнительные знания, компетенции надо получать самостоятельно, отрабатывать их и работать, работать, работать... Условия для этого есть: в Южно-Иллинойском университете я увидел спящую на диване (в шикарном холле) девушку. Иван Николов сказал, что университет ее родной дом: хочет — спит, хочет — всю ночь в библиотеке работает. К слову, библиотека работает, пока есть читатели...